

УДК 271.2

DOI: 10.15393/j14.art.2019.136

Статья

Старообрядчество на окраинах Российской империи в последней трети XIX века: Амбурский скит в исследовании революционера-народника А. С. Пругавина¹

Кузнецова Наталья Юрьевна

Петрозаводский государственный университет

Управление довузовской и профориентационной работы

Кандидат исторических наук

Аннотация. В статье на основе данных религиоведа А. С. Пругвина анализируется существование одного из старообрядческих центров Архангельской губернии — Амбурского скита. Описывается история и современное исследователю состояние данного религиозного центра, выявляются значимые для старообрядческих верующих моменты взаимодействия с внешним миром в лице представителей официальной власти, роль А. С. Пругавина в судьбе скита и его населявших его жителей. В основу статьи легли архивные документы из Российского государственного архива литературы и искусств (личный фонд А. С. Пругавина) и Государственного архива Архангельской области. Автор приходят к выводу о том, что, в 1870-е — 1880-е гг. произошло изменение статуса и роли старообрядческих религиозных центров на Европейском Севере севере России. Однако, несмотря на этот факт, восприятие старообрядческих скитов властями по-прежнему имело негативных характер.

Ключевые слова: А. С. Пругавин, старообрядчество, старообрядческие скиты, Амбургский скит, религиозные группы, Европейский Север архангельская губернская администрация

Окраины Российской империи со второй половины XVII в. стали местом, куда устремились представители особой ветви православия — старообрядцы. Скрываясь от преследования властей в отдалённых уголках страны, приверженцы этой обособившейся религиозной группы также ставили себе цель найти места, где можно было создать населённый пункт и духовный центр. Так в истории России в конце XVII—XVIII вв. возникли старообрядческие религиозные поселения на реке Выг (в XIX в. территория Олонецкой губернии²); на озёрах Петрозero, Топозеро, Амбурское, на реках Чаженьга, Порма [29] (Архангельская губерния); Большой Иргиз (Саратовская губерния); Керженец (Нижегородская губерния³). Часть из них

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00058 мол_а.

² Здесь и далее в скобках указано административное наименование территории в XIX в., современное А. С. Пругавину.

³ На наш взгляд, Нижегородская губерния может восприниматься как «периферия», «окраина» западной части России. Далее на восток за ней располагались Симбирская и Казанская губернии, значимую часть среди населения которых составляли подданные неславянского происхождения (татары, мордва, марийцы, чуваши).

впоследствии переросла в крупнейшие старообрядческие центры — Керженские скиты, Выговское общежительство, Иргизские монастыри. Ещё большая часть остались небольшими по размеру и числу проживающих скитами, но при этом сыграли в истории старообрядческого движения важную роль, как, например, Пертозерский и Топозерский скиты, Курженская пустынь. Как отмечала известная исследовательница Русского Севера К. П. Гемп «на севере был 31 старообрядческий скит <...> по всему Беломорскому побережью» [8: 70]. В число этих религиозных центров входил и Амбурский скит.

История оформления и существования религиозных центров старообрядческого движения в северных губерниях освещалась в XIX в. достаточно широко. Об этом писали как профессиональные исследователи — историки, религиоведы, так и чиновники — представители губернских администраций в докладных записках. Старообрядческий вопрос с ростом общественной активности населения также стал неотъемлемой частью исторического мировоззрения российской интеллигенции именно во второй половине XIX в. Начиная со второй половины столетия к его изучению подключились и представители многих общественно-политических течений, которые по-особому воспринимали многочисленное старообрядческое население России. Некоторые из подобных политических групп видели в старообрядчестве силу, способную стать активной оппозицией официальной власти, но пока ещё должным образом не сформировавшуюся. В частности, подобное отношение было характерно для представителей народничества. Однако с течением времени народническое движение всё больше расслаивалось, а часть его приверженцев, познакомившихся со старообрядчеством лично, откорректировали свои взгляды на таких верующих. Среди этой группы выделяется Александр Степанович Пругавин, ставший впоследствии известным на всю империю религиоведом.

Автор статьи сосредотачивает внимание на анализе и оценке данных о состоянии Амбурского старообрядческого скита в последней трети XIX в., собранных А. С. Пругавиным. Выбор источника объясняется несколькими факторами. Во-первых, опыт личного знакомства Пругавина со скитом и его обитателями позволяет ознакомить читателей с интересным краеведческим материалом. Во-вторых, непредвзятость и открытость в описании современных Пругавину проблем, имевших место в Амбурском скиту, вывела ситуацию для самого Пругавина с уровня стороннего наблюдателя на уровень вовлечённого лица. Выбор временного периода обусловлен фактическим пребыванием исследователя на территории Архангельской губернии. Автором привлечены также материалы Государственного Архива Архангельской области (далее — ГАО) и Российского государственного архива литературы и искусств (далее — РГАЛИ).

Старообрядческие центры имперской провинции: Амбурский скит (история и современное состояние)

Амбурский старообрядческий скит был основан в Поморье бежавшими после подавления правительственные войсками в 1676 г. «соловецкого сидения», когда уцелевшие монахи скрылись на материке. Основан скит был в глухи Архангельской губернии. Но если о дате возникновения данного скита в историографии нет единого мнения (называют несколько возможных дат основания — 70-е — начало 80-х гг. XVII в. [14], 1730 г. [9] или 1731 г. [21: 81—92]), то значение скита в религиозной жизни населения не оспаривается. На севере империи Амбурский скит, наряду с Пертозерским, Большекородским и рядом других, являлся одним из известнейших старообрядческих центров [7: 58]. Особо почитаемым данный скит филипповского толка был как в среде местного старообрядческого населения, для которого стал «своеобразной „староверческой Меккой“», так и в среде столичных приверженцев «старой веры», которые при любой возможности отправляли в скит богатые дары. Кроме того, и местное православное население не обходило этот религиозный центр стороной.

По данным списков населения за период с 1790-х по 1970-е гг., имеющимся в ГАО, можно видеть, что проживали в Амбурском как мужчины, так и женщины (таблица 1).

Таблица 1.

Численность населения Амбурского скита за период с 1798 по 1973 гг.¹

Год	Общая численность населения, в том числе	
	Мужчин, чел.	Женщин, чел.
	90	
1798	21	69
	107	
1814	32	75
	109	
1828	24	85
	71	
1859	11	60
	40	
1869	8	32
	21	
1880	5	16
	33	
1922	7	26
	61	
1928	26	35
	11	
1937	2	9
	12	
1949	3	9
	7	
1963	1	6
	3	
1973	1	2

¹ Материал приводится по данным статьи Е. Ф. Луцковской «Некоторые аспекты исследования истории Амбурского скита в свете публикации в книге К. П. Гемп «Сказ о Беломорье» и портала «Архангельская-губерния.рф».

Территория Амбурского скита на спутниковом снимке Google Earth Pro

Приведённые в таблице данные позволяют заключить, что наибольшее количество населения скита наблюдалось в последние десятилетия XVIII — первой трети XIX вв., а начиная с 1850-х гг. численность жителей уменьшается. Тому, что в конце XVIII в. скит находился на этапе относительного достатка, есть и архивные подтверждения. Так, имущество Амбурского скита включало «100 небольших домиков», «огромную моленную», «больницу» и «богадельню» [14: 190]. Подобная ситуация объясняется периодом гонений на старообрядчество в правление Николая I. Именно в период его царствования получил утверждение целый ряд законодательных актов, направленных на искоренение старообрядческих религиозных центров: запрет на «переделку или возобновление старых молитвенных зданий»; введение мер о раскольниках, по которым стало возможно «упразднять скиты без всякого исключения» [10: 122-123, 159-160].

Однако, несмотря на имевшиеся сложности, Амбурский скит продолжил существование в XIX—XX вв. и стал центром федосеевского и филипповского старообрядческих согласий [11]. После установления на данной территории советской власти, в 1922 г. с религиозной общиной скита был заключён договор о передаче ей молитвенного дома с богослужебными предметами «в бессрочное и бесплатное пользование» [14: 180, 192]. Официальной датой окончания существования Амбурского скита стал 1969 г., когда две последние скитницы — П. А. Хвиюзова и А. М. Карпова — под предлогом того, что эта территория попала в пограничную зону, были увезены в п. Белое озеро [28].

Первые профессиональные упоминания об Амбурском ските находим у известной исследовательницы Русского Севера К. П. Гемп [8]. Она не только упоминала данный религиозный центр в своих работах, но и побывала там во время исследовательских экспедиций.

История скита сегодня воссоздается усилиями сотрудников Северодвинского городского краеведческого музея (далее — СГКМ), в фондах которого хранятся и вводятся в научный оборот экспонаты, связанные с историей скита. В частности, на территорию Амбурского скита было организовано пять этнографических экспедиций: 1972 г. — первая экспедиция («неофициальное» посещение), 2002, 2005, 2006, 2007 гг. — этнографические экспедиции музея на Амбурские озера [16, 20]. На базе СГКМ состоялось несколько тематических выставок, посвящённых старообрядческой тематике в целом и Амбурскому скиту в частности.

Значительное количество выступлений на конференциях и публикаций о тематических выставках по истории старообрядчества на Архангельской земле подготовлены и представлены главным хранителем фондов музея Е. Ф. Луцковской. В частности, ею рассматривается материальное наследие Амбурского скита, дошедшее до наших дней и хранящееся в СГКМ [13, 19, 20, 31]; история существования религиозного центра и историография вопроса [14, 15, 16, 17, 18], а также истории жителей, когда-то проживавших в Амбурском скиту [15, 18].

Также Амбурскому скиту посвящен ряд публикаций современных краеведов и исследователей. В частности, историю скита в разрезе духовной жизни Архангельской губернии освещает статья И. Н. Белобородова «Старообрядчество Архангельской губернии: состав, численность, расселение (середина XIX — начало XX вв.)», а вопрос взаимоотношения старообрядцев с официальной властью — статья Б. Б. Сажина и Н. Ю. Кузнецовой «Persectution of the Ambur skete in the letters of Alexander Stepanovitch Prugavin» [7, 25]. Интерес представляют работы архангельских краеведов, посвящённые Амбурскому скиту. В 2005 г. в газете «Архангельск» была опубликована заметка Т. Локоть «Затерянный мир скита» [30]. А в 2013 г. вышла в свет книга Л. Ф. Добрынина «Амбурский скит и его жители», в которой не только прослежена история места, но и проведены параллели с современностью [9]. Данная книга представляет собой первую попытку дать полную характеристику жизни указанного религиозного центра. Не обходит Амбурский скит стороной и исследователь К. Я. Кожурин, член Российского Совета Древлеправославной Поморской церкви в работе «Повседневная жизнь старообрядцев» (глава «Главные духовные центры старообрядчества») [11].

Амбурский скит в последней трети XIX в.: особенности существования религиозного центра с точки зрения А. С. Пругавина

Александр Степанович Пругавин, как представитель общественно-политического течения народничества, не мог не заинтересоваться «старообрядческим вопросом» в России. Ещё в юности народник осознал, что для понимания особенностей вероучения этого религиозного течения и, соответственно, особенностей взаимодействия с той или иной группой старообрядческих верующих, важен непосредственно личный контакт с представителями старообрядчества.

Впервые Пругавин поставил перед собой вопрос о религиозных движениях как способах выражения народного протesta против государства в начале 1870-х гг., когда, будучи студентом Петровской земледельческой академии в Москве, познакомился с различными формами народничества и со взглядами народников на российское общество и его отдельные группы. Однако первые опубликованные работы публицистического характера на указанную тему у автора появляются только в период его ссылки на Русский Север — в Архангельскую губернию (1871—1879). Именно на этом жизненном этапе Пругавин получил возможность не просто наблюдать жизнь старообрядцев на севере империи воочию, но и лично познакомиться с некоторыми представителями этого многочисленного и разнопланового религиозного

течения. В частности, с марта по ноябрь 1872 г. он находился в г. Кемь, население которого состояло по большей части из старообрядцев. Именно в этом удалённом от цивилизации уголке Архангельской губернии исследователь имел возможность наблюдать народную жизнь и даже стать частью этой жизни, чем Пругавин не преминул воспользоваться, чтобы «лично познакомиться с представителями разных сект <...>, посещать их скиты, изучать различные рукописи, распространенные в их среде» [22: 341]. Также на формирование взглядов будущего исследователя оказала влияние непосредственная близость места его проживания к крупнейшим центрам старообрядцев-беспоповцев (Выговское общежительство, Топозерский скит) [12: 21—22]. Он понял, что знания народников о старообрядчестве неполны и недостоверны, и поставил перед собой задачу — исследовать религиозность народа настолько глубоко и тщательно, насколько это представится возможным. И всю свою дальнейшую жизнь Пругавин посвятил изучению именно религиозного вопроса, став известным в Российской империи исследователем Раскола, старообрядчества и сектантства.

Часть ссылки Пругавин провел в Воронежской губернии, а в 1877 г. вновь был отправлен в г. Архангельск, где находился вплоть до снятия надзора в 1879 г. В обозначенный период и состоялось знакомство А. С. Пругавина с обитателями и покровителями Амбурского скита, где он лично побывал летом 1879 г. Важно отметить, что столь свободное перемещение политического ссыльного по территории губернии оказалось возможным по нескольким обстоятельствам. Во-первых, буржуазные реформы, проведённые в стране во второй половине XIX в., обусловили дальнейшее изменение отношения государства к политическим ссыльным в сторону либерализации. Также на север империи (Архангельская, Олонецкая губернии), как правило, попадали те, чья вина не подразумевала отправку в Сибирь, и именно с 1870-х гг. «полицейский надзор за ссыльными в северных губерниях был относительно либеральным» [23: 81, 85]. Во-вторых, из г. Коротояк Воронежской губернии Пругавин вернулся с положительной характеристикой и почти трёхлетним опытом службы «секретарем Коротоякского уездного земского собрания и земской Управы» и заведующим «делопроизводством земского уездного по воинской повинности присутствия» [1: 152—152об.]. А северный кадровый «голод» способствовал тому, что и в Архангельске будущий исследователь получил должность чиновника в Архангельском уезде по воинским делам присутствии. Кроме того, Архангельск был родным городом народника, в котором он родился в 1850 г. А его отец, С. Б. Пругавин, являясь инспектором народных училищ, находился почти на вершине архангельской интеллигенции. Именно он, обратившись с письменным ходатайством напрямую к губернатору Н. П. Игнатьеву, способствовал переводу сына из-за расстроившегося здоровья на юг в Коротояк в 1873 г. Он же через несколько лет обратился с просьбой о возвращении сына в родной город. Таким образом, описанные выше факты в совокупности способствовали достаточно свободным передвижениям Пругавина.

Итак, в конце 1870-х гг. А. С. Пругавин узнал о том, что в окрестностях г. Архангельска расположена действующий старообрядческий скит, несомненно заинтересовался данным фактом и посетил указанное место. И оказался практически в центре конфликта скита с архангельской губернской администрацией в 1879—1880 гг.

Конфликты, подобные этому, во второй половине XIX в. были не редкими для Российской империи, так как в указанный период отношения государства и религиозной группы старообрядцев выстраивались как никогда сложно. Местные власти опирались при этом на законодательство, оформленное еще в 1820—1850-х гг. и направленное в первую очередь на предотвращение распространения «раскола». А это означало и ужесточение контроля над существовавшими и действовавшими религиозными центрами старообрядцев, запрет на «пе-

Амбу尔斯кое. Моленная и колокольня, 1967 г. Из фондов СГКМ

ределку или возобновление старых молитвенных зданий», допуск к «упразднению скитов без всякого исключения» [10: 122—123, 159—160]. При этом трактовка того или иного законодательного акта в провинции зависела исключительно от мнения чиновников, находившихся у власти, так как конфессиональная политика центра часто была противоречивой, а чёткие указания, как правило, в провинцию не поступали. Всё это приводило к тому, что на местах обнаруживались широкие возможности для чиновниччьего произвола. Одним из ярких примеров служит эпизод гонений на Амбу尔斯кий скит. Чиновники несколько лет пытались закрыть скит, в котором «проживали лишь старики да старухи» и который «больше напоминал богадельню», а не религиозный центр, а скитожители обращались во все возможные инстанции в попытках отстоять право скита на официальное существование. Секретное предписание Министерства Внутренних дел 1846 г. за № 285, согласно которому все поселившиеся в скиту после этого года не имели права на постоянное жительство в нём и должны были быть выселены, и предписание архангельского губернатора 1846 г. за № 1034, обязывавшее «разломать кельи в скиту», оставшиеся пустыми после выселения «неведомственных» скитников, положили начало затяжному конфликту Амбу尔斯кого скита с властью в конце 1880-х гг. [17: 54].

Информацию о конфликте А. С. Пругавин получал из нескольких источников: как из переписки с одним из покровителей скита А. И. Пермяковым, так и через непосредственное общение со скитожителями. Письма Пермякова к Пругавину за период с сентября 1879 г. по март 1881 гг. хранятся в деле № 306 из личного фонда А. С. Пругавина в РГАЛИ [2]. В письмах, ключевой темой которых была проблема гонений архангельских властей на указанный религиозный центр, авторы обсуждали широкий круг тем, связанных с Амбу尔斯ким скитом в период с марта 1879 г. по август 1880 г.:

- ﴿ донос настоятеля Солозского прихода священника Щеколдина на жителей Амбу尔斯кого скита в Архангельское полицейское управление [3: 1—2об.];
- ﴿ несколько прошений от жителей скита на имя архангельского губернатора, министра внутренних дел и великого князя (тексты составлял сам Пругавин);
- ﴿ повторное ноябрьское постановление Архангельского уездного управления о разрушении келий в скиту [3: 4];

- ﴿ тексты об Амбурском ските, подготовленные и опубликованные Пругавиным в периодических печатных изданиях [4, 5, 6];
- ﴿ итог противостояния — разрушение келий в скиту в феврале 1880 г. [4].

Дата доноса священника Щеколдина — 13 марта 1879 г. — стала отправной в конфликте обитателей скита с администрацией. Настоятель сообщил в полицейское управление о том, что они развивали и укрепляли раскол, распространяя его среди православных, а также незаконно построили на территории скита лишние кельи и принимали новых проживающих [9: 78—79]. Также Щеколдин упоминает в своем доносе о Пермякове как о человеке, нарушавшем законодательство и содействовавшем восстановлению разрушенных келий.

Реакцией на донос стала официальная сверка количества келий и численности жителей скита, после чего властями было принято решение о сносе пустующих келий [3].

Уже имевший публицистический опыт Пругавин, чтобы привлечь к этому противостоянию внимание местной и российской интеллигенции, отразил конфликт в нескольких газетных публикациях. Так, в 1879 г. в газете «Неделя» была размещена статья, а в 1880 г. в газете «Голос» — несколько заметок: «Староверческие скиты (По поводу одного частного случая)», «Архангельский уезд, 24-го февраля» и «Архангельский уезд, 1-го марта». В статье «Староверческие скиты (По поводу одного частного случая)» Пругавин описал конфликт со слов жителей скита: отказ скитников предоставить «подарки» (продукты и «четвертную») Щеколдину и написанный им в отместку донос, подробности опечатывания «пустых» келий, изгнание из скита престарелых и больных скитников. Автор подчёркивает, что скит имел благотворительный характер и представлялся более богадельней нежели религиозным центром. Таким образом, Пругавин, несомненно занимавший позицию поддержки по отношению к Амбурскому скиту, доказывал, что тот совершенно не представлял опасности для администрации [6: 1127—1131].

В заметках Пругавин повторно знакомит читателей с ситуацией вокруг скита весной 1879 г. («неравная борьба скитников с местной властью»), упоминает о составлении и отправлении прошения в канцелярию архангельского губернатора («чтобы позволили распечатать кельи и разрешили вернуться выгнанным жителям»), а также даёт положительную характеристику местным староверам, упоминая об их помощи в период голода в 1867 г. [5: 3]. То есть, Пругавин по-прежнему занимает про-старообрядческую позицию и всячески пытается привлечь внимание общественности к положению скита и абсурдности сложившейся ситуации.

Первое письмо Пермяковым было отправлено Пругавину в октябре 1879 г. В нём он, в частности, сообщает о прошении, поданном жителями скита на имя губернатора о «распечатании» келий, а также уточняет у Пругавина возможность повторного обращения [2: 1—1об.]. В итоге Пермяков доверяет Пругавину составить новое прошение от имени скитожителей в губернскую администрацию [2: 2—3]. В следующих письмах (декабрь 1879 г.) Пермяков отмечает важность освещения конфликта в газетах (статья Пругавина в «Неделе»), рассказывает о реакции местных властей на статью (слова исправника о том, как народника обвинили во лжи и собирались «предать суду»), консультируется с Пругавиным относительно новшеств в законодательстве о старообрядцах («когда и в каком роде будут изданы новые права на защиту старообрядцев») и напоминает о важности повторного прошения «на имя местной полиции или высочайшей власти» [2: 4—4об., 5—7об.].

Следующий 1880 г. не принес старообрядцам желаемого результата. В очередном письме (февраль) Пермяков сообщает Пругавину, что составленное им прошение было получено и передано архангельскому губернатору («дал ответ: не может разрешить распечатать кельи

и допустить обратно жителей с паспортами, кельи надо сломать. Поправить моленную также разрешить не может, но спросит об этом министра»), и вновь просит писать обращения к вышестоящим лицам — министру внутренних дел или великому князю Константину Николаевичу [2: 8—9об.].

Следующее письмо от Пермякова (март) содержало уже подробности о разрушении келий и судьбах жителей скита («после слома дал скитницам срок 1 месяц на очистку <...>. Старухи не знают, что делать, так бессильны и не имеют средств»), просьбу о составлении новых прошений в вышестоящие инстанции, а также о повторном обращении к губернатору [2: 10—11].

В дальнейшем Пругавин получил от Пермякова подтверждение о получении подготовленного им прошения на имя министра МВД и об ожидании второго — на имя великого князя [2: 12—12об.], благодарность за заметки, помещённые в «Голосе» («читал с удовольствием») [2: 13—14об.]. В последующих письмах (май, июнь, июль) Пермяков рассказывает о дальнейшей судьбе скита и его жителей (приезд исправника в скит, его угрозы по отношению ко всем тем, кто подписал прошение; расспросы, кто составлял прошение и был ли в скиту Пругавин), об отправке ходатайства старообрядцам министру МВД, просит узнать о судьбе прошений и обращается за советом к Пругавину: куда им двигаться дальше в вопросе о судьбе скита [2: 13—14об., 15—16об.]. Последнее письмо, в котором Пермяков благодарит Пругавина за содействие и публикации в газетах, было написано в декабре [2: 19].

В 1879 г. ссылка А. С. Пругавина завершилась, полицейский надзор был снят окончательно. Уже летом бывший ссыльный получил Свидетельство на свободное проживание во всех городах Российской империи. Однако ситуация с Амбурским скитом, как видно из данных, приведённых выше (материал в газетах и переписка до 1880 г.), его очень волновала. Как итог, на примере частного конфликта Пругавин оказался привлечён к проблеме взаимодействия государства и верующих-старообрядцев, а через неё к чрезвычайно широкой теме — истории о современном автору состоянии и особенностях религиозных групп в России. Эту тему исследователь изучал всю жизнь вплоть до смерти в 1920 г. Старообрядческий же вопрос всегда оставался для Пругавина ключевым для рассмотрения.

Окончательно конфликт Амбурского скита с властями губернии был разрешён только через десять лет. В марте 1889 г. согласно постановлению Архангельского губернского правления, становой пристав проследил за тем, чтобы кельи были полностью разобраны, а остатки келий сожжены [9: 82].

Выводы

В последней трети XIX в. взгляд на старообрядчество как на религиозное явление, не имевшее права на существование, продолжал сохраняться в государстве практически на всех уровнях. Репрессивная политика власти по отношению к многочисленным представителям старообрядческих течений и толков не достигала цели во многом из-за отсутствия чёткости в законодательных актах и бюрократизма чиновников на местах.

Одним из ярких примеров жизнеспособности подобного старообрядческого религиозного центра в провинции служит эпизод из истории Амбурского скита в Архангельской губернии: конфликт его обитателей с администрацией губернии, имевший место в конце 1880-х гг. и описанный известным исследователем народной религиозности Александром Степановичем Пругавиным. А. С. Пругавин состоял в переписке с одним из покровителей скита, взаимодействовал непосредственно с самими участниками событий, посетив скит летом 1879 г., а также общался с представителями властей, когда посещал присутственные места, передавая письма и ходатайства скитников. Всё это делает его свидетельства максимально досто-

верными и позволяет судить об особенностях жизни и быта духовных центров старообрядчества.

Несмотря на личную вовлечённость А. С. Пругавина в конфликт Амбурского скита и властей Архангельской губернии (составление прошений, переписка, придание ситуации гласности через публикации в газетах), старообрядческая община потерпела поражение в борьбе с административной властью.

На примере судьбы Амбурского скита, прослеженной по переписке народника Пругавина и старообрядца Пермякова, можно сделать заключение, что вопрос о старообрядчестве в Российской империи в конце XIX в. был остро конфликтным. У представителей власти на местах сохранялся взгляд на старообрядчество, как на нелегитимное явление в жизни народа, которое подлежало искоренению.

Благодарности

Автор выражает признательность канд. ист. наук Б. Б. Сажину за предоставленный архивный материал из личного фонда А. С. Пругавина в РГАЛИ: документы из дела «Письма Пермякова Александра Ивановича Пругавину Александру Степановичу».

Список использованных источников и литературы

Неопубликованные источники

1. Дело о высылке под надзор полиции в Архангельскую губернию студента Петровской земледельческой академии Пругавина // ГААО. Д. 2189. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Л. 152—152 об.
2. Письма Пермякова Александра Ивановича Пругавину Александру Степановичу // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2167. Оп. 1. Д. 306. Л. 1—23.
3. Предписание Архангельского уездного управления приставу 2-го стана Архангельского уезда от 30 мая 1879 г. за № 4215 // Государственный архив Архангельской области (далее ГАОО). Ф. 544. Оп.1 Д. 21. Л. 1—2об.

Опубликованные источники

4. Пругавин А. С. Архангельский уезд, 1-го марта (Корреспонденция «Голоса») // Голос. 1880. № 68. С. 3.
5. Пругавин А. С. Архангельский уезд, 24-го февраля (Корреспонденция «Голоса») // Голос. 1880. № 64. С. 3
6. Пругавин А. С. Староверческие скиты (по поводу одного частного случая) // Неделя. 1879. № 38. С. 1127—1131.

Литература

7. Белобородова И. Н. Старообрядчество Архангельской губернии: состав, численность, расселение (середина XIX — начало XX вв.) // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1999. Вып. 3. С. 52—67.
8. Гемп К. П. Сказ о Беломорье : словарь поморских речений. Москва ; Архангельск: Наука, 2004. С. 70.
9. Добрынин Л. Ф. Амбурский скит и его жители. Архангельск : Правда Севера, 2013. 118 с.
10. Ерикова О. П. Старообрядчество и власт. М.: Уникум-центр, 1999. 204 с.
11. Кожурин К. Я. Повседневная жизнь старообрядцев. М. : Молодая гвардия, 2014. — 555 с.

12. Кузнецова Н. Ю. Общественно-политические воззрения народников на старообрядчество Европейского Севера на примере работ С. Н. Приклонского и А. С. Пругавина : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Кузнецова Наталья Юрьевна. Петрозаводск, 2019. 34 с.
13. Луцковская Е. Ф. Амбурский скит: история поморского старообрядчества в выставочной деятельности Северодвинского краеведческого музея // Краеведческий музей : история, коллекции, люди (к 150-летию Кировского областного краеведческого музея) : сб. статей и материалов. Киров, 2016. С. 228—232.
14. Луцковская Е. Ф. Архив Амбурского старообрядческого религиозного общества Архангельской губернии в 1920-е годы в фондах Северодвинского музея // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2014. Том 1. С. 188—197.
15. Луцковская Е. Ф. Из истории Амбурского старообрядческого скита // Традиционная культура Русского Севера: истоки и современность. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Архангельск, 2010. С. 159—172.
16. Луцковская Е. Ф. Из опыта проведения экспедиций Северодвинского музея в бывший Амбурский старообрядческий скит // Кенозерские чтения 2009. Этнокультурный ландшафт Кенозерья: сб. материалов IV Всероссийской научно-практической конференции. Архангельск, 2011. С. 23—31.
17. Луцковская Е. Ф. История поселения Амбурские глазами современников // Архангельская старина. № 2. 2009. С. 51—60.
18. Луцковская Е. Ф. Некоторые аспекты исследования истории Амбурского скита в свете публикации в книге К. П. Гемп «Сказ о Беломорье» // Труды Архангельского центра Русского географического общества: сб. науч. статей. Вып. 2. Архангельск, 2014. С. 307—312.
19. Луцковская Е. Ф. Собрание керамики и стекла в фондах Северодвинского музея: комплектование, хранение и использование // Краеведческий музей в XXI веке. Традиции и новации в музейном деле : сб. докл. научно-практической конференции «Краеведческий музей в XXI веке. Традиции и новации», 22—23 ноября 2017 г. Архангельск, 2018. С. 278—294.
20. Луцковская Е. Ф. Экспедиции в бывший Амбурский скит: из опыта Северодвинского городского краеведческого музея // Важский край: историография, источниковедение и культура: Исследование и материалы. Вып. 5. Вельск, 2012. С. 156—164.
21. Мелько С. Н. (о. Сергий) Архангельский старообрядческий. Местные традиции, обусловленные социальными и историческими условиями // Первые Международные «Заволокинские чтения», 16—17 декабря 2005 г., г. Рига. Сб. 1. Рига : ELPA 2, 2006. 288 с.
22. Паиков А. М. Неопубликованная рукопись А. С. Пругавина о гонениях на выговских старообрядцев при Николае I: неизвестный эпизод народнического «расколоведения» // Старообрядчество в России (XVII—XX века). М., 2004. Вып. 3. С. 339—357.
23. Рощевская Л. П. История политических репрессий в царской России. Сыктывкар: СыктывГУ, 2008. 140 с.
24. Ружинская И. Н. Старообрядчество на этноконфессиональной карте Карелии: от прошлого к настоящему // Этноконфессиональная карта Ленинградской области и сопредельных территорий-2. Третий шёгреновские чтения: сб. ст. СПб., 2009. С. 33—40.
25. Сажин Б. Б., Кузнецова Н. Ю. Persecution of the Ambur skete in the letters of Alexander Stepanovitch Prugavin // Вестник СПбГУ. История. 2017. Т. 62. Вып. 4; С. 807—816. (URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2017.408>)
26. Шикалов Ю. Г Старообрядчество в Беломорской Карелии // Язычники, православные, сектанты, лютеране?: религиозная ситуация в Беломорской Карелии (вторая половина XIX начало XX века). Петрозаводск, 2014. С. 34—51.

Интернет-ресурсы

27. Архангельская-губерния.рф (потал) [Электронный ресурс] / Список населенных мест Архангельской губернии (1861). URL: <http://xn---7sbaagjcne4aqlxj7alk4b1a9luci.xn--plai/copyright>. (12.01.2020).
28. Бугаев С. Старообрядчество на Русском Севере [Электронный ресурс]. URL: <http://bugaeff.ru/tag/amburskij-zhenskij-skit/>. (12.01.2020).

- AREA STUDIES / ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ
- 29. *Васёв В.* Поонежье: прошлое и настоящее (фрагмент книги) [Электронный ресурс] URL: <http://kenozerjelive.ru/vasjov-starover.html>. Аналог печ. изд. (Васёв В. «Поонежье: прошлое и настоящее». Вельск, 2008).— (23.12.2019).
 - 30. *Локоть Т.* Затерянный мир скита [Электронный ресурс]. URL: <https://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/39-1-0-831>. Аналог печ. изд. (Локоть Т. «Затерянный мир скита» Архангельск. 2005. № 147 (13 августа). «Поонежье: прошлое и настоящее». Вельск, 2008). (13.01.2020).
 - 31. *Луцковская Е. Ф.* Старообрядчество на Беломорском Севере: от экспедиции к экспозиции [Электронный ресурс]. URL: http://severnoe-trehrechie.ru/старообрядчество-на-беломорском-сев/#_ftn3. (23.12.2019).

**OLD BELIEVERS ON THE OUTSKIRTS OF THE RUSSIAN EMPIRE
DURING THE LAST THIRD OF THE 19TH CENTURY:
THE AMBURSKY SKIT IN THE STUDY BY A REVOLUTIONARY
POPULIST A. S. PRUGAVIN**

Natalia Kuznetsova

Petrozavodsk State University
Department of Pre-University and Career Guidance
PhD in History

Abstract:

The article uses the data collected by a religious scholar A. S. Prugavin to analyze the existence of the Ambursky Hermitage, one of the Old Believer centers of the Arkhangelsk province. The author describes the history and contemporary state of this religious center and reveals the elements of interaction between the hermitage and the outside world, represented by the official authorities, which were significant for the Old Believers. The role of A. S. Prugavin in the fate of the monastery and its inhabitants is shown. The article is based on archival documents from the Russian State Archive of Literature and Arts (personal documentary collection of A. S. Prugavin) and the State Archive of the Arkhangelsk Region. The author concludes that the period between 1870 and 1880 saw a change in the status and role of the Old Believer religious centers in the European North of Russia. However, despite this, the perception of the Old Believer hermitages by the authorities was still negative.

Key words: A. S. Prugavin, Old Believers, Old Believers' Hermitage, Ambursky Hermitage, religious groups, European North, Arkhangelsk province administration